

Когда мне было лет тринадцать, мы получили по подписке в Библиотеке Всемирной литературы (БВЛ, двухсоттомник) весомый том Александра Твардовского. Военная тема потрясала, конечно. Но кроме того, поэма «Василий Тёркин» сильно изменила мое представление о возможностях звука, ритма, лексики, интонации в поэзии. Строки сами врезались в память и оставались в ней неотменимо.

Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт...
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Я запоминал «Тёркина» целыми главами (конечно, считал и весь том, с довоенными и послевоенными сочинениями) и выступал с их чтением на уроках, вечерах, в пионерлагерях.

Отрадно было прочесть спустя годы созвучные мне впечатления нашего нобелианта, великого русского писателя Ивана Бунина.

«Дорогой Николай Дмитриевич, — писал Бунин из Парижа Телешову, — я только что прочитал книгу А. Твардовского («Василий Тёркин») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищён его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова. Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за "Тёркина"».

«Василий Тёркин», «книга про бойца без начала и конца» — самое известное произведение Твардовского, завершённая в 1942-1945 гг., а начатая ещё в 1939-1940 г., в ходе финской военной кампании, когда молодой поэт работал военным корреспондентом газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины». Многие бойцы узнавали в Тёркине себя. Читательские письма приходили мешками.

Глава «Переправа» в советской школьной программе стала обязательной для выучивания на память:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда.
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Своё сказали
И уже навек правы.

...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Прислушаемся к мнению литературоведа Льва Аннинского: не важно, что «Василия Тёркина» придумал для своих нужд неистощимый романист конца века Боборыкин, и еще косяк поэтов-юмористов примерялся к этому образу в 1941 году, — Твардовский реализовал в Тёркине тот характер, который реализовался бы независимо от того, какие вожди красовались на знаменах. «Книга про бойца», писавшаяся четыре военных года (а если считать «незнаменитую» финскую, то все пять) — заносилась поначалу в военкоровские блокноты, в дождь — под плащ-палаткой, в стужу — держа в зубах стянутую с руки перчатку, — это настоящая энциклопедия солдатской жизни, списанная прямо с натуры: «портянки да землянки»; герой с полуслова узнаваем, недаром со страниц поэмы он шагнул на театральные подмостки, на полотна живописцев, а уж о книжных иллюстрациях и говорить нечего — художники мгновенно сделали его всеобщим знакомцем. Как настоящий эпический герой он является «ниоткуда», а оказывается «всюду». Русский всечеловек, и вместе с тем — человек неподдельно, конкретно русский. Вездесущий. И неуловимый.

Но прежде «Тёркина» были у Твардовского такие мощные строки первого года Великой Отечественной: «Я б вовеки грабителям Не простил бы твоим, Что они тебя видели Вражьим оком пустым; Что земли твоей на ноги Зацепили себе; Что руками погаными Прикоснулись к тебе; Что уродливым именем Заменили твоё; Что в Днепре твоём вымыли Воровское тряпье...»

Очень точен вывод литературоведа: «Нет, никто не пережил шок первых военных поражений так, как Твардовский, ни в ком ненависть не обрела такого прямого счета — око за око, зуб за зуб, удар за удар. И Сурков, и Симонов пережили что-то

близкое, но им все-таки помогала «идеология», а тут глухая народная ярость и народная же русская, тысячелетняя готовность гибелью оплатить победу. Гибель — лейтмотив».

Да, гибель «наших стриженных ребят» — и в Великой Отечественной, и в финской войне — не давала уняться боли поэта: «Среди большой войны жестокой, С чего — ума не приложу, — Мне жалко той судьбы далёкой, Как будто мёртвый, одинокий, Как будто это я лежу, Примёрзший, маленький, убитый На той войне незначенитой, Забытый, маленький, лежу».

Сильную песню спустя десятилетия напишет бард Иван Карпов на одно из самых знаменитых, горьких стихотворений Твардовского.

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налёте.

Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.

И во всём этом мире
До конца его дней —
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастёрки моей.

Мощно сказано, с внятным звуко смыслом: «Горевать горделиво, Не клонясь головой, Ликовать нехвастливо В час Победы самой».

И эти строки, с мучительной для авторской совести темой, тоже вошли не только в антологии, но и в самую народную память:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

Родился Александр Трифонович Твардовский 110 лет назад — 21 (8 по ст. ст.) июня 1910 г. в Загорье, «хуторе пустоши Столпово» Смоленской губернии Российской империи. Первое стихотворение было сочинено им столь рано, что мальчик не мог его даже записать. Любовь к литературе привилась и проявилась с детства: отец будущего поэта Трифон Гордеевич любил читать дома вслух произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Толстого и Никитина.

Саше приходилось на отцовском хуторе ранними утрами пасти скотину, а в школу бегать за несколько верст, сначала в одну, потом в другую, потом в третью, потому что в начале 1920-х годов они закрывались по немощи.

Незаурядные способности мальчика всеми были замечены быстро. Уже в 14 лет им было написано несколько поэм и стихотворений на злободневные темы.

Когда в стране проходили коллективизация и раскулачивание, поэт поддерживал коммунистические идеи — в поэмах «Путь к социализму» (1931) и «Страна Муравия» (1934–1936). Меж тем все его семейство было отправлено в ссылку. Молодому поэту удалось вытащить родителей в Смоленск. Однако его братья были высланы как спецпереселенцы. «Их не били, не вязали, Не пытали пытками, Их везли, везли возами С детьми и пожитками. А кто сам не шёл из хаты, Кто кидался в обмороки, — Миллицейские ребята Выводили под руки». Так выселяли с хутора и семью Твардовских, об этом вспомнит в своей книге Иван Твардовский, который был на четыре года младше Александра. Брату довелось побывать и в финском плену, и потом сидеть в Лефортовской тюрьме, а позже отбывать большой срок в Чукотлаге. Самого же автора «Страны Муравии», снискавшего славу, чаша ссылок и лагерей миновала. Поэма понравилась И. В. Сталину.

Сталинская премия второй степени за поэму будет вручена А. Твардовскому в начале 1941 г. К слову, «Тёркин» удостоится в 1946 г. той же премии первой степени, а поэма «Дом у дороги» — через год — второй степени.

Твардовский пробивался в литературе и жизни, занимаясь интенсивным самообразованием. Есенин среди его поэтических учителей, по меткому замечанию пристального специалиста, «оттеснен Некрасовым, причем Некрасовым без его заунывной музыки». В 1939 г. он, сам всесоюзно знаменитый, окончил уже ставший знаменитым вуз — МИФЛИ.

В том же году началась война с Финляндией, и А. Твардовский участвовал в соединении СССР и Западной Белоруссии. Затем оказался в Воронеже, в 1941-1942 гг. работал в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия».

По мере написания «Тёркина» главы публиковались в газете Западного фронта «Красноармейская правда» и были весьма в ходу у наших бойцов. В 1944 г. поэт за свое творчество (!) Военным советом 3-го Белорусского фронта был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, а в 1945-м — 1-й степени.

В послевоенные годы поэт многое переосмыслил, что отразилось и в его деятельности.

Большую работу он проводил, будучи главредом литературного журнала «Новый мир» — в 1950-1954 и 1958-1970 гг.

Назовем самые яркие имена опубликованных у Твардовского писателей — поэты Николай Заболоцкий, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Владимир Соколов, Александр Кушнер, прозаики Василий Шукшин, Борис Можаяев, Константин Воробьев, Василь Быков, Фёдор Абрамов, Чингиз Айтматов, Юрий Домбровский, Александр Солженицын...

Под впечатлением от выступления Твардовского на XXII съезде КПСС Солженицын в 1961 г. передал ему свой рассказ «Щ-854» (позже названный «Один день Ивана Денисовича»). Редактор пригласил автора в Москву и добился разрешения Н. С. Хрущёва на публикацию.

Биограф задается вопросом: почему Твардовский, с его крестьянскими корнями, русским национальным сознанием, оказался в связке не с «патриотами», а с «либералами»?

В сущности, он был двойным заложником: среди либералов — заложником партии (в которую он вступил в 1940 г. и из которой вряд ли согласился бы выйти — по чувству собственного достоинства), среди партийцев — заложником вольномыслящей интеллигенции (от которой уже не мог отступить из-за того же самолюбия). Его тянули в разные стороны, на разрыв. Поэма «За далью — даль», начатая в 1950 г. и законченная в 1960-м, принесла автору четвертую высшую государственную литературную премию страны, только теперь она называлась Ленинской.

При этом неоднократные нападки санкционированных критиков на книгу «Родина и чужбина» и поэму «Тёркин на том свете», вышедшую после долгой отлежки на волне антисталинских разоблачений, а также публикации в журнале остропроблемных авторов, привели к снятию Твардовского с поста главного редактора «Нового мира» в первый раз и «добровольно-принудительной» отставке с фактическим разгоном редакции в 1970 г. — во второй. В биографии Твардовского был и отказ одобрить судебный приговор писателям Синявскому и Даниэлю, и помощь в освобождении диссидента Ж. Медведева из «психушки», и многое другое.

Потому неудивительно, что его поэма «По праву памяти» легла, как говорится, «в могилу стола». Когда ее издал заграничный «Посев», поэту терять уже было нечего. От переживаний и борений он получил неизлечимую болезнь.

Скончался Александр Трифонович от рака легких 18 декабря 1971 г., похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Именем знаменитого писателя названы улицы в Москве, Воронеже, Новосибирске, Смоленске. В его честь названа также школа и в 2013 г. установлен памятник в Москве на Страстном бульваре, недалеко от памятника Пушкину.

Издательством «Молодая гвардия» в 2010 г. в серии «Жизнь замечательных людей» было выпущено одно из первых в новейшее время жизнеописаний А. Т. Твардовского, его автор — Андрей Турков (прежнее издание было в советское время).

Критик прав: остаются великие стихи — как великие потрясения и великие слезы, которыми оплачена судьба.

Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.
И как бы ни был провод тонок,
Между своими связь жива.
Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..